

10 ноября — 100 лет со дня рождения Эраста Гарина

Андрей
ХРЖАНОВСКИЙ

ОН БЫЛ НАШИМ КУМИРОМ

Его любили все, кто был с ним знаком или видел его хоть однажды на экране или на сцене. И эта всенародная любовь досталась ему задолго до того, как на старости лет он был пожалован званием народного артиста СССР.

Любили его также, независимо от тех исторических заслуг перед театральной культурой, о которых большинство из гаринских современников послевоенной формации не знало и знать не могло: имя Мейерхольда, учителя Гарина — Мастера, который вывел 22-летнего юношу из Рязани на сцену самого знаменитого в то время театра страны, — долгие годы оставалось под запретом. Между тем именно Гарину поручил Всеволод Мейерхольд одну за другой три главные роли в нашумевших тогда и ставших классикой мирового театра спектаклях ГосТИМа: Павлуши Гулячкина в «Мандате» Николая Эрдмана, Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя и Чацкого в «Горе уму» (так на сцене ТИМа назывался спектакль по пьесе Грибоедова).

Мейерхольда Гарин боготворил, хотя вопреки этому порой уходил из его театра, желая проверить свою способность к самостоятельной жизни в искусстве. Уходил, чтобы вернуться снова. Под конец жизни Гарин, отвечая на вопрос, почему он уходил от Мейерхольда, — говорил: «Какой я был дурак! Если бы кто-то показал нам тогда наше будущее!» Словом, как у Чехова: «Если бы знать!.. Если бы знать!..»

Эраст Гарин был не только великим актером и самобитным режиссером. Он был человеком редчайшей, я бы сказал, сказочной порядочности. В дни, когда театр Мейерхольда и сам Мастер были подвергнуты травле, и позже, после ареста Мейерхольда и расправы над ним, когда многие бывшие ученики предали Учителя, присоединив свои голоса к хору его хулителей, Гарин не только не отвернулся от Мастера и его Театра, но и всюду и всегда подчеркивал уникальность и животворящую силу этого явления на фоне догматизма и загнивания подавляющего большинства советских театров, особенно академических трупп. Он до конца жизни оставался тем, кем назвал как-то Вс. Мейерхольд свою сотрудницу и ученицу Хесю Александровну Локшину (1902 — 1982), жену Эраста Павловича Гарина и соавтора всех его режиссерских работ — «стойким знаменосцем ГосТИМа».

Книга воспоминаний Гарина так и названа им — «С Мейерхольдом».

Книга о самом Гарине, куда войдут воспоминания об артисте, статьи, заметки, отрывки из его писем, готовится к выходу в объединенном издательстве «Искусство».

Воспоминания о Гарине еще одного мейерхольдовца, Валентина Николаевича Плучека, были написаны им специально для этого сборника.

Валентин
ПЛУЧЕК

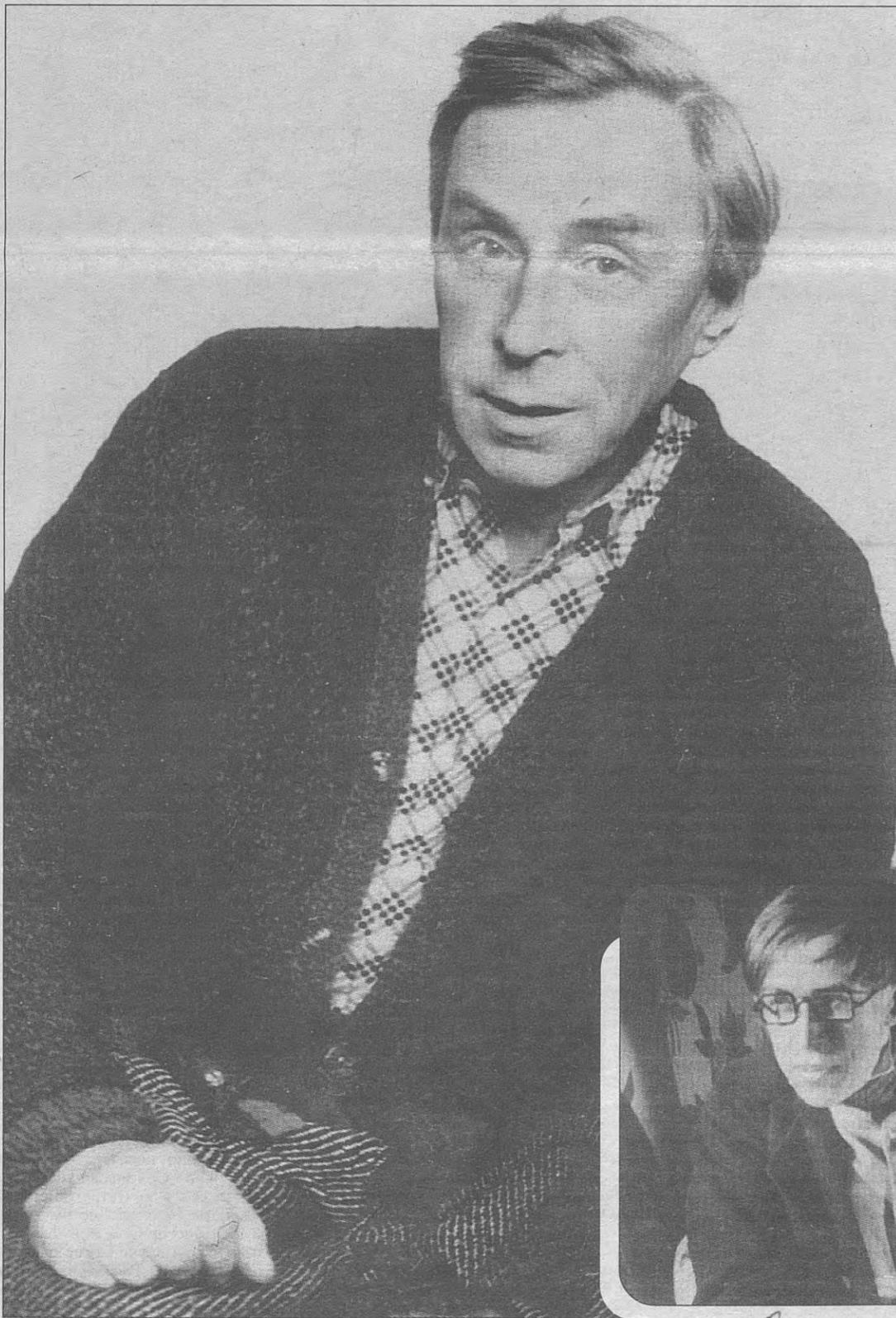
В юности Эраст Гарин был моим кумиром. Меня восхищали певучесть и в то же время резкость гаринского голоса, необычайная подвижность и гибкость его тела, неповторимость острой и экспрессивной пластики. Никто не мог так, как Гарин, двойным кольцом одной ноги обвить другую.

Мне посчастливилось: будучи студентом первого курса Государственных экспериментальных театральных мастерских, я стал участником знаменитого спектакля Мейерхольда «Ревизор». Меня, как самого худенького и маленького, выбрали для участия в сцене грез Анны Андреевны. Офицеры окружали Анну Андреевну и пели ей романс, на последних тактах музыки раздавался выстрел, и я с букетом цветов выскакивал из маленькой тумбочки, вихрем пронеслся по сцене и падал у ног Городничихи. Так благодаря своим внешним данным я попал на репетиции Мейерхольда и ближе познакомился с его артистами.

В трактовке Мейерхольда для гаринского Хлестакова, вероятно, решающей была фраза Н.Гоголя о том, что Хлестаков «фантасмагорическое лицо, которое, как лживый олицетворенный обман, унеслось вместе с тройкой, бог знает куда». В его строгой, сдержанной и странной фигуре, в необычном для представлений о Хлестакове внешнем облике — маленький, черный, сужающийся кверху цилиндр, квадратные очки, накиннутый на плечи плед, трость — было что-то неожиданное, напоминающее романтических героев гофмановских сказок. И в то же время в нем словно олицетворялась тема миражей «северной столицы», «Петербургских повестей» Гоголя.

Гарин был и поразительным мастером трансформации. Этот дар его особенно проявился в спектакле-ревю «Д.Е.», где он играл семерых изобретателей. Но еще прекраснее, приемами эксцентрики, в этом же спектакле он играл Поэта. Мы, студенты, занятые в массовых сценах, каждый раз из всех щелей кулис восхищенно смотрели на своего кумира.

Однажды, когда я учился уже на третьем курсе, Мейерхольд привел к нам на занятие Гарина и сказал, что назначает своего любимого артиста нашим преподавателем сценического мас-

Эраст Гарин — экран и сцена

Гарин — Эраст

(1-39). 11.02